

век рассматривается как абстрактный индивид, обладающий набором неких всеобщих характеристик.

«Личность, - писал он, - это атрибут, который человек формирует в себе исторически через участие в социокультурной жизни»(1).

Таким образом, в человеке он различал сугубо абстрактную человеческую природу, воплощающую некие неизменные, от природы данные родовые признаки, и личность как продукт воздействия социокультурной сферы.

Личность рассматривается и в более широком плане: ею может быть не только отдельный индивид, но и любая корпоративная единица, даже государство всякое объединение, выполняющее определенную культурную функцию в обществе и наделенное правами и обязанностями, Бидней считал возможным находить в человеке не одну, а несколько личностей - в зависимости от изменений психосоматической структуры личности человека на различных этапах его жизни, его ролевых функций.

Американский представитель философской антропологии, выделив отдельные личностные параметры, не дал целостное определение личности.

В варианте философской антропологии, представленном в концепции А. Штерна, антропологизм преобладал: в центре внимания находится индивид, рассматриваемый как абстрактное, внеисторическое существо, обладающее определенным набором «общечеловеческих» качеств. Такой подход весьма характерен для философской антропологии в целом.

В концепции Д. Биднея нельзя говорить об однозначном превалировании абстрактного антропологизма.

Для американской философии весьма характерны эклектизм, стремление приспособить концепции, разработанные европейской философией, к социально-политической и духовно-идеологической атмосфере США. Философская антропология не избежала подобной трансформации. В связи с этим для нее, как правило, не свойственны абсолютный антропологизм, четко выраженный антисциентизм, как это имеет место, например, в западно-европейской, в частности западногерманской философской антропологии.

Литература

1. Bidney D. Theoretical anthropology. N.Y., 1968.P.336.
2. Stern A. The search for meaning. Memphis, 1971. P.340-341. P.349.

УДК 930

© С.П. Шаповалова

СУДЬБА РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ 60 -Х - 90-Х ГГ. XIX ВЕКА

Проблема семьи и брака становится в конце XIX - начале XX вв. особенно актуальной в России в период эмансипации общества. Для основной массы населения России была характерна традиционная семья. Именно этот тип семьи наблюдался в Курской губернии вплоть до начала XX.

Традиционный тип семьи отличает:

- Очень высокий уровень рождаемости
- Низкая продолжительность жизни (для мужчин в среднем - 38 лет, для женщин - 40).
- Высокая смертность.
- Раннее вступление в брак (средний возраст женихов в деревне колебался в пределах 18-20, невест 16-18 лет).
- Решающая роль воли старших (отца, реже матери, других родственников или опекунов) при выборе партнера.

Вследствие этих факторов, а равно и материальной несамостоятельности большинства новобрачных, молодые не образовывали новую семью, а входили в состав «большой», которую составляли три или даже четыре поколения. Такой брак скреплялся не чувствами и взаимными симпатиями, а традицией, укладом.

Традиционный тип семьи часто называют патриархальным. Уже к концу века становится очевидно, что раздел больших семей, принял массовый характер. Влияло на ситуацию в патриархальной семье и социальное развитие России в XIX веке, а именно, стремительный рост городского населения за счет деревенских жителей. Материальное различие населения пореформенной деревни и, связанный с этим уход мужского населения на заработки («отходничество»), все чаще приводит к разрушению патриархальной семьи.

В связи с развитием отходничества меняется и само место женщины в деревне. Происходит рост ее юридической и материальной независимости.

Длительное пребывание мужчин в городе, на заработках часто приводило к распаду семьи. Настоящей катастрофой для деревни были бедность и пьянство, которое зачастую сопровождалось со стороны мужа издевательством над женой и детьми. Даже в новых условиях существования разделенной семьи, муж продолжал быть главой семьи, уклоняясь от исполнения традиционных обязанностей. И ни одно судебное учреждение не могло оградить женщину от дурного и жестокого обращения с ней. Сама жизнь поставила женщину в зависимое положение, и мать семейства вынуждена была переносить деспотизм мужа, чтобы не лишиться последнего достатка. Да и жалобы крестьянок на своих мужей никогда не доходили до судебного разбирательства. Решалось все внутри семьи. Но были примеры, когда наказанные судом мужья не становились лучше после отбытого наказания, и, следовательно, у крестьянки оставался, в конце концов, прежний муж, да еще и упадок в хозяйстве прибавлялся. Надежда на исправление мужа никогда не оставляет женщину, особенно если муж доставляет семье кое-какие средства к жизни, даже если он просто будет работником в страдную пору. Как известно, большинство крестьян было настолько бедно, что лишение самого ничтожного заработка одного из членов семьи нередко влекло за собой полный упадок домашнего хозяйства. Общество не могло оставаться безучастным. Единственной организацией, которая могла иметь хоть какое-нибудь влияние на семейную жизнь крестьян, был волостной суд, но и он не справлялся с ситуацией. Против поступков мужей суд принимал карательные ме-

ры: арест, наказание розгами и др., но эти наказания приносили очень мало пользы. Зачастую, это скорее ожесточало мужей, нежели приносило облегчение положения жен. Да и сами эти органы не горели желанием вмешиваться в семейную жизнь крестьян. Волостные суды иногда отказывались от разбирательства самых очевидных дел, руководствуясь патриархальным принципом, что «муж считается старшим над женой и имеет право ее наказывать» и что «муж даром бить свою жену не станет, а если бьет – значит, она того стоит»¹.

Попытки родителей жены встать на защиту своей дочери вызывали у членов волостных судов стойкое неприятие. Волостные суды не делали различия и в том случае, если жена, уходила от мужа и жила в доме родителей. Ее обязывали возвращаться к мужу, а родителям запрещали давать приют дочери и принимать ее жить, без ведома и согласия мужа, исключая тот случай, когда мирской сход признавал уважительными причины побудившие жену оставить дом мужа.

Случаи, когда волостные суды приговаривали супругов к раздельному проживанию, были единичны и не имели к семейным истязаниям прямого отношения. Жена могла уйти от мужа если:

1. Муж становился окончательно неспособным к брачному сожительству.
2. В случае совершенной растраты имущества и невозможности содержать семью².

Именно в надежде на такой исход женщины обращались к судьям. При этом крестьянки не надеялись на перевоспитание супруга. Современники свидетельствовали, что жаловались уже тогда, когда всякая надежда потеряна и следующая стадия – петля.

Развод в крестьянском самосознании считался грехом, на этой же позиции стояла и православная церковь. В редких случаях развод не осуждался, и на него смотрели как на неизбежность: в случаях ухода кого-либо из супругов, бегства из деревни, осуждения на каторгу. Разводы были очень редкие и сопровождались многими трудностями, если брак был венчанным³. Для его расторжения требовалось разрешение высшей духовной инстанции – синода. Обоснования для развода были определены еще Петром I. В резолюции императора на предложение синода от 12 апреля 1722 г. четко обозначены обстоятельства, служившие достаточным поводом к разводу. Под заголовком «Вины разводов брачных» Петр I перечислил следующие пункты:

- 1) Причины прелюбодейства и челобитье о том брачных друг на друга;
  - 2) Рассуждения о побегах их и самовольных друг от друга отлучках;
  - 3) О посягнувших женах во отсутствие мужей за других и о возвращении их прежним мужьям;
  - 4) Та кожде и о мужах в подобных тому винах являющихся⁴.
- Эти обстоятельства принимались церковью и в пореформенный период.

Соблюдение супружеской верности было взаимной обязанностью и жены и мужа. «Измена» одного из них считалась достаточным поводом для развода. Причем «измена» жены считалось более тяжким проступком, чем распутство мужа и осуждалась общественным мнением на много строже, же-

сткие побои от мужа не служили достаточным основанием для развода. Инициатива развода, как правило, исходила от мужа⁵. Жена выступала как страдающая сторона, после развода покидая дом мужа с имуществом, составляющим её приданое. Зачастую, чтобы не возвращать жене её приданое, муж до тех пор истязал её, пока не вынуждал уйти в монастырь. Интересно и то, что физические недостатки и тяжелые болезни одного из супругов по общему правилу не считались достаточным основанием для развода. Все вышеуказанное показывает приниженное положение женщины в крестьянской среде.

Но какова же роль церкви в конце XIX начале XX вв., в чем ведении находится институт брака и семьи, пыталась ли она бороться с возникшими бедственными обстоятельствами? Никаких упоминаний о вмешательстве церкви в дела об истязании женщин найти практически невозможно, лишь изредка можно прочесть о том, что священники в ряде случаев покрывают преступления мужей.

Жестокое обращение с женщиной, фактический распад семьи при сохранении ее формальной юридической целостности – все это требовало вмешательства законодательства. Вопрос о разводе стал предметом государственной политики.

Что же представляло собой законодательство о браке и разводе, существовавшее в пореформенной России? Долгое время признавался только брак, заключенный и зарегистрированный в православной Церкви, а так же в других признанных государством конфессиях.

Лица православного исповедания могли вступать в брак по достижении мужчинами 18, а женщинами 16 лет. Вплоть до 21 года делать это без дозволения родителей, опекунов или попечителей запрещалось. Состоящим на службе, как военной, так и гражданской мужчинам требовалось для женитьбы разрешение их начальства.

Препятствием к браку являлось:

1. Иноверие
2. Наличие действующего брака.

Незаконным считался четвертый брак, даже если человек три раза вдовел. Запрещались браки с безумными, монашествующими, состоящими на обязательной службе нижними чинами. Отношения не оформлялись для арестантов, студентов духовных академий и университетов. Впрочем, если подобные браки удавалось все же заключить, то совершенное таинство оставалось в силе. По-прежнему не венчали лиц, состоящих в степени родства и свойства, возбраненных церковными законами.

Русское законодательство не признавало браков старообрядцев, не имевших статуса конфессии, но относимых к отступникам от православной церкви. Так же Синод не признавал действительными раскольнические браки, а дети от этих браков считались – незаконнорожденными. Только по закону от 19 апреля 1874 г. браки раскольников были признаны: их стали регистрировать в полицейских участках, где завели специальные метрические книги.

Выделение раскольников в отдельную с точки зрения семейного права категорию вновь приводило законодателей к идеи развода, который становился для них принципиально невозможным: государство признавало только развод, совершенный церковным судом.

Разрешить его мог (для православных) только Св. Синод, причем по строго ограниченным основаниям. Русское законодательство о разводе было намного строже, чем в других европейских странах.

В начале XIX века иск о разводе подавался епархиальному начальству. При получении этой просьбы о разводе епархиальное начальство поручало доверенным лицам произвести «примирение». Если это увещание не приводило ни к каким изменениям в деле, тогда начиналось «судоговорение», на которое ответчики обязаны, были являться сами. Их допрашивали по сути обвинения, изложенного в исковом заявлении. Им предъявлялись улики и доказательства, подкрепленные документами и свидетельскими показаниями. После этого ответчику предъявлялось право оправдаться.

Необходимость доказывать факт супружеской измены делала состязательный процесс достаточно грязным. Этот момент неоднократно обсуждался в прессе и на Поместном Соборе, став причиной бесконечных нареканий на тот фарс, в который превращался духовный суд. Получить развод в таких условиях было очень сложно.

В 1810 г. Св. Синод предложил несколько другие этапы бракоразводного процесса. Жалобы по прелюбодеянию первоначально должны передаваться в духовный суд. Духовное начальство, по получении жалобы такого рода, старается о примирении сторон. При безуспешности увещаний к примирению дело передается светскому суду. Гражданский суд, исследуя событие прелюбодеяния и не постановляя ничего о разводе, представляет дело для рассмотрения в Синоде. Синод постановляет определение о разводе (положительное или отрицательное).

При других «винах» жалобы приносились в гражданский суд, после окончания следствия и разбирательства невинная сторона подавала иск о разводе в суде духовном, который и решал окончательный вопрос о расторжении брака, основываясь на фактах, установленных ранее.

Проект, ограничивающий деятельность духовного ведомства, встретил сопротивление обер-прокурора князя А.Н. Голицина и был благополучно похоронен вместе с основным вопросом. Вновь подняли его лишь более чем полвека спустя, в 1870 году. Специальный комитет, созданный в это время, посчитал необходимым передать брачные дела в ведение гражданских судов, сохраняя при этом за церковью право на увещание. Окончательное решение передавалось на усмотрение архиерея, что было компромиссом между светской и высшей церковной властями.

Такое существенное ограничение прав Церкви мотивировалось заботой об этом институте общества:

«С передачей указанных дел светскому суду, духовное ведомство избавится от производства многих, нередко весьма сложных следствий по этим делам...

Духовное начальство будет избавлено от разбора таких дел, которые наполнены описанием сцен самых соблазнительных и отвратительных, в которых нередко бывает собран весь смрад разврата»⁶.

При этом Комитет не отказывался от рассмотрения брачных дел архиереем, но окончательный приговор по ним выносился владыкой уже после решения светского суда.

Проект Комитета был, отвергнут Синодом. 27 апреля 1877 года на заседании Синода вновь был поставлен этот вопрос, и мнения разделились. Дело зашло в тупик, к чему имелись причины принципиального, юридического, ведомственного, экономического и личного характера. Прохождение брачных дел через Консисторию и Синод растягивалось на несколько лет и вызвало многочисленные нарекания. Ни в одном из канонических правил нельзя найти такого постановления, чтобы факт прелюбодеяния доказывался очевидцами. Теперь главными доказательствами преступления (прелюбодеяния) должны быть признаны:

- показания двух или трех очевидных свидетелей,
- прижитие детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами и доводами в незаконной связи с посторонним лицом.

Это правило о доказательстве преступления заставлял ищущих развод входить в сделку со своей совестью, разыскивать, во что бы то ни стало очевидцев преступления. К услугам разводящихся появлялись уже и «профессиональные свидетели». Вопрос оставался принципиально нерешенным, хотя и не выглядел неразрешимым: законодательство о разводе изменялось для частных случаев.

В 1892 г. изменен закон о разводе в случае ссылки одного из супругов. Осужденному супругу предоставлялось право просить о расторжении брака, если другой супруг не последовал за ним в ссылку. (Интересно, что в советский период закон действовал в обратном направлении: брак с осужденным мог быть расторгнут без согласия последнего). В 1895 г. вышел Закон о порядке производства дел о расторжении браков.

В целом по стране процесс расторжения брака выглядел следующим образом: вплоть до 1917 г. как официальный брак, так и официальный развод оставался прерогативой церкви. Нам неизвестна статистика разводов до 1836 г., но можно полагать, что ужесточение условий, выполнение, которых стало необходимым для развода, привело к уменьшению числа формальных, санкционированных церковью разводов во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Действительно, в 1841 -1850 гг. церковь санкционировала всего 770 разводов, т.е. в среднем по 77 разводов в год. На 43 млн. православного населения это ничтожно мало. После Великих реформ 1860-х гг. число разводов стало возрастать, однако до 1917 г. оно оставалось на очень низком уровне: за 20 лет, 1867 – 1886 гг., состоялось 16 945 разводов, по 847 разводов в год, за 8 лет, 1905 -1913 гг. – соответственно 23 087 и 2565. На 1000 человек населения число разводов равнялось ничтожной величине: в 1841 -1850 гг. – 0,002, в 1867 -1886 гг. – 0,014, в 1905 -1913 гг. – 0,029.⁷

Что же касается статистики по Курской губернии, то и здесь процент разведенных крестьянских женщин был весьма низок. Это подтверждают данные первой общероссийской переписи 1897 г. Необходимо отметить, что данные по семейному положению даны без учета сословной принадлежности, но беря во внимание, что процент от всех разведенных курских женщин в сельской местности составлял 79,1%, то общие выводы не будут кардинально расходиться с реальной картиной. В Курской губернии, на 1897 г., из 771 924 женщин от 15 до 60 и старше лет, разведенных зафиксировано было всего 224, что составляло значительно меньше 1%. При этом, от числа замужних женщин – 476 890 – данный процент составлял так же менее 1%.⁸ Все это подтверждает незыблемость церковной традиции в крестьянской среде, где к разводу относились как «богонеудному деянию». 50,4% всех разведенных женщин были в возрасте от 30 до 49 лет. Учитывая, что крестьянки выходили замуж с 15 -17 лет, то в среднем их замужество до развода составляло 23 -25 лет. Вероятно, это был тот временной предел за которым женщина уже не мыслила себе жизнь с мужем.

Таким образом, проблема отношений в семье, находясь в центре внимания общества в течение всего XIX века, так и не была разрешена в полном объеме. Не случилось этого и в веке прошлом, когда законодательство вновь, хотя и руководствуясь новыми основаниями, не смогло удовлетворить потребности социума, обеспечить права всех его членов при заключении и расторжении браков, содержании и воспитании детей.

Литература

1. Пархоменко И.Г. Белгородская губерния. Белгород, 2001.- С.170.
2. Белякова Е. Брак и развод в России 19 века // История.2001. №15. С.2.
3. Арсеньев К.И. Разлучение супругов как необходимый институт брачного права//Вестник Европы.-1884.-№3. С.290-292.
4. Ефименко А.Я. Народные юридические воззрения на брак//Знание.1874.-№1.С.2-4.
5. Завьялов А.А. К вопросу о браке и брачном разводе//Странник.1892.№3.-С.453;
6. Крюкова С.С. Брачные традиции крестьян южнорусских губерний во второй половине XIX в.//Этнографическое обозрение. 1992.№4.С.42-45.
7. Милогорова И.М. Семейные разделы в русской пореформенной деревне//Вестник МГУ. Сер.8. История. 1987. №6. С.37-40.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб,2003., С.176.
9. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Л.,1982. С. 161.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. XX. Курская губерния. СПб., 1904. С. 60.